

Вишневая косточка / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Вишневая косточка / рассказ ВИШНЕВАЯ КОСТОЧКА

В воскресенье я побывал на даче в гостях у Наташи. Кроме меня, было еще трое гостей: две Девушки и Борис Михайлович. Девушки с Наташиным братом Эрастом отправились на реку кататься в лодке. Мы, то есть Наташа, Борис Михайлович и я, пошли в лес. В лесу мы расположились на полянке; она была ярко освещена солнцем. Наташа подняла лицо, и вдруг ее лицо показалось мне сияющим фарфоровым блюдцем.

Со мной Наташа обращается, как с равным, а с Борисом Михайловичем – как со старшим, ластится к нему. Она понимает, что это мне неприятно, что я завидую Борису Михайловичу, и поэтому она часто берет меня за руку и, что ни скажет, тотчас же обращается ко мне с вопросом:

– Правда, Федя?

То есть как бы просит у меня прощенья, но не прямо, а как-то по боковой линии.

Стали говорить о птицах, потому что из чащи раздался смешной голос птицы. Я сказал, что никогда в жизни не видел, например, дрозда, и спросил: каков он собой – дрозд?

Из чащи вылетела птица, Она пролетела над полянкой и села на торчащую ветку неподалеку от наших голов. Она не сидела, впрочем, а стояла на качающейся ветке. Она моргала. И я подумал, как некрасивы у птиц глаза – безбровые, но с сильно выраженными веками.

– Что это ? – спросил я шопотом; – Дрозд? Это дрозд?

Никто не отвечает мне. Я повернут к ним спиной. Мой жадный взгляд не следит за ними, они наслаждаются одиночеством. Я смотрю на птицу. Оглянувшись, я вижу: Борис Михайлович гладит Наташу по щеке. Его рука думает: пусть он смотрит на птицу, обиженный молодой человек! Уже я не вижу птицы, я прислушиваюсь: я слышу расклеивающийся звук поцелуя. Я не оглядываюсь, но они пойманы: они видят, что я вздрогнул.

– Это дрозд? – спрашиваю я.

Птицы уже нет. Она улетела вверх, сквозь крону дерева. Этот полет затруднен, – она летит, чиркая листьями.

Наташа угощала нас вишнями. Одну косточку, по детской привычке, я оставил во рту. Она каталась во рту и была обсосана дочиста... Я вынул ее – она имела вид деревянной.

Я ушел с дачи с вишневой косточкой во рту.

Я путешествую по невидимой стране.

Вот я иду – возвращаюсь с дачи в город. Солнце заходит, я иду на восток. Я совершаю двойной путь.

Один мой путь доступен наблюдению всех: встречный видит человека, идущего по пустынной зеленеющей местности. Но что происходит с этим мирно идущим человеком? Он видит впереди себя свою тень.

Тень движется по земле, далеко протянувшись; у нее длинные, бледные ноги. Я пересекаю пустырь, тень поднимается по кирпичной стене и вдруг теряет голову. Этого встречный не видит, это вижу только я один. Я вступаю в коридор, образовавшийся между двумя корпусами. Коридор бесконечно высок, наполнен тенью. Здесь почва гниловата, податлива, как в огороде. Навстречу, вдоль стены, заранее сторонясь, бежит одичалая собака. Мы разминулись. Я оглядываюсь. Порог, оставшийся позади, сияет. Там, на пороге, собаку мгновенно охватывает протуберанец. Затем она выбегает на пустырь, и лишь теперь я получаю возможность определить ее цвет – рыжий.

Все это происходит в невидимой стране, потому что в стране, доступной нормальному зрению, происходит иное: просто путник встречает собаку, заходит солнце, зеленеет пустырь...

Невидимая страна – это страна внимания и воображения. Не одинок путник! Две сестры идут по бокам и ведут путника за руки. Одну сестру зовут Внимание, другую – Воображение.

Так, значит, что же? Так, значит, наперекор всем, наперекор порядку и обществу, я создаю мир, который не подчиняется никаким законам, кроме призрачных законов моего собственного ощущения? Что же это значит? Есть два мира: старый и новый, а это что за мир? Мир третий? Есть два пути, а это что за третий путь?

Наташа назначает мне свидание, и сама не приходит. Я прихожу за полчаса до срока,
Трамвайные часы висят над перекрестком. Они напоминают бочонок – не правда ли? Два циферблата. Два днища. О, пустая бочка времени! – могу восклицать я.
Наташа должна прийти в три с половиной.
Я жду. О, конечно, не придет. Десять минут четвертого...
Я стою на трамвайной остановке. Все движется вокруг меня, я один возвышаюсь... Заблудившиеся видят меня издали... И вот начинается... Подходит неизвестная гражданка.
– Будьте любезны, – говорит неизвестная гражданка: – на двадцать седьмом я доеду до Кудринской?
Никто не должен знать, что я жду свидания. Пусть лучше думают так: «Широко улыбающийся молодой человек вышел на угол устраивать чужое благополучие, он все расскажет, он направит, он успокоит... К нему! К нему!»
– Да, – отвечаю я, изнемогая от учтивости. – Вы доедете на двадцать седьмом до Кудринской...
И тут же спохватываюсь и весь как-то кидаюсь за гражданкой:
– Ах, нет! Ах, нет! Вам надо сесть на шестнадцатый. Забудем о свидании. Я не влюбленный. Я добрый гений улицы. Ко мне! Ко мне! Четверть четвертого. Стрелки соединились и вытянулись по горизонтали. Видя это, я думаю:
«Это муха сучит лапками. Беспокойная муха времени».
Глупо! И какая там муха времени!
Она не идет, она не придет.
И приближается красноармеец.
– Скажите, – спрашивает он – где здесь музей Дарвина?
– Не знаю... кажется, туда. Позвольте... позвольте... нет, не знаю, товарищ, не знаю...
Дальше! Кто следующий ? Не стесняйтесь...
Такси, описав вираж, подкатывает ко мне. Вы посмотрите, как презирает меня шофер! Не силами души, нет! Станет он снисходить до того, чтобы презирать меня силами души... Перчаткой он презирает меня!!! Товарищ шофер, поверьте мне, я ведь любитель, я и не знаю, куда поворачивать вам машину...
Я стою здесь не за тем, чтобы указывать направление... У меня

свое дело... Это стояние мое – вынужденное, жалкое! Я улыбаюсь не от добродушия, я улыбаюсь напряженно... присмотритесь!

– Куда на Варсонофьевский? – спрашивает шофер через плечо.

И я, суетясь, объясняю: туда, туда, а потом туда..

Что ж, если на то пошло, то почему бы мне не стать посреди мостовой и всерьез не взяться за дело, которое мне навязывают?

Идет слепец.

О, этот просто кричит на меня! Этот толкает меня тростью...

– Десятый номер идет? – спрашивает он: – А? Десятый?

– Нет, – отвечаю я, почти глядя его. – Нет, товарищ, это не десятый номер. Это второй. А вот подходит десятый.

Уже десять минут прошли сверх срока. Чего ждать еще? А, может быть, она спешит где-то, летит?

«Ах, опоздала, ах, опоздала!!!»

Уже гражданка укатила на шестнадцатом, уже красноармеец ходит по прохладным залам музея, уже шофер трубит на Варсонофьевском, уже слепец обидчиво и себялюбиво поднимается на переднюю площадку, неся впереди себя трость.

Все удовлетворены! Все счастливы!

А я стою, бессмысленно улыбаясь.

И вновь подходят и вопрошают: старушка, пьяный, группа детей с флагом. И уже начинаю я рубить воздух руками, – уже не просто киваю подбородком, как случайно спрошенный прохожий, нет! уже я вытягиваю руку, поставив ладонь ребром... Еще минута – вырастет из кулака моего жезл...

– Назад! – буду кричать я. – Стоп! На Варсонофьевский? Заворачивай! Старушка, направо! Стоп!

О, смотрите! Свисток висит между моих губ... Я свищу... Я имею право свистеть... Дети, завидуйте мне! Назад! Ого... смотрите: уже я могу стоять, между двумя встречными вагонами я стою, смотрите, выставив одну ногу и сложив руки за спиной и подпирая лопатку пунцовым жезлом.

Поздравьте меня, Наташа. Я превратился в милиционера?..

Тут я вижу: Авель стоит поодаль и наблюдает за мной. (Авель – это мой сосед).

Наташа не придет – это ясно. Я подзываю Авеля.

Я. – Вы видели, Авель?

А в е л ь. – Я видел. Вы сумасшедший.

Я. – Вы видели, Авель? Я превратился в милиционера.

(Пауза. Еще один взгляд в сторону часов. Куда там! Без десяти четыре).

Я. – Впрочем вам недоступно это. Превращение мое в милиционера произошло в невидимой стране.

А в е л ь. – Ваша невидимая страна – это идеалистический бред.

Я. – И знаете, что самое удивительное, Авель ? Удивительно, что в этой волшебной стране я почему-то фигурую милиционером... Казалось бы, я должен шествовать по ней спокойно и величественно, как владетель, и цветущий посох мудреца должен сиять в моей руке... А вот смотрите: в руке моей милицейский жезл! Какое странное скрещение мира практического и воображаемого.

А в е л ь (молчит).

Я. – И еще более странно, что предпосылка, превращающая меня в милиционера, - неразделенная любовь.

А в е л ь. – Я ничего не понимаю. Это какое-то бергсонианство.

Я решил закопать косточку в землю.

Я выбрал местечко и закопал.

«Здесь, – подумал я, – вырастет вишневое дерево, посаженное мною в честь любви моей к Наташе. Может быть, когда-нибудь, через пять лет, весной мы встретимся с Наташей у нового дерева. Мы станем по обе стороны – вишневые деревья не высоки: можно, поднявшись на носки, шевельнуть самый верхний цветок. Будет ярко светить солнце, весна еще будет пустовата, – это будут те дни блесны, когда детей манят сточные канавы, – и уже наступит расцвет бумажного этого дерева».

Я скажу:

– Наташа, ярок и светел день, дует ветер, еще более раздувающий свет дня. Ветер качает мое дерево, и оно скрипит лакированными частями. Каждый цветок его встает и снова ложится, и оттого оно становится то розовым, то белым. Это калейдоскоп весны, Наташа. Пять лет тому назад вы угостили меня вишнями, помните ? Неразделенная любовь делает память нищей и яркой. Я помню до сих пор: ваша ладонь была лиловой от вишневого сока, и вы свернули ее трубкой, сыпая мне ягоды. Я

унес косточку во рту. Я посадил дерево в память о том, что вы меня не любили. Оно цветет. Вот видите: я был осмеян тогда; мужествен был Борис Михайлович, победивший вас, я был мечтателен, инфантилен. Я искал в мире дрозда, пока вы целовались, Я был романтик. Но вот смотрите: твердое, мужественное дерево выросло из зерна романтика Вы знаете вишневый цвет – это душа мужчины, так считают японцы. Смотрите: стоит низкорослое, крепкое японское дерево. Поверьте, Наташа, романтика – мужественная вещь, и над ней не стоит смеяться... Ведь все дело в том, как подойти. Если бы Борис Михайлович застиг меня сидящим на корточках в пустыре и закапывающим инфантильную косточку, он еще раз почувствовал бы свою победу надо мной, победу мужчины над мечтателем. А я ведь в это время прятал в землю ядро. Оно лопнуло и выпустило ослепительный заряд. Я прятал в земле семя. Это дерево – мой ребенок от вас, Наташа. Приведите сына, которого вам сделал Борис Михайлович. Я посмотрю, так ли он здоров, чист и безотносителен, как это дерево, родившееся от инфантильного субъекта?

Я вернулся с дачи домой. Тотчас же из-за стены вышел Авель. Он профработник, Он мал ростом, на нем толстовка из бумажного коверкота, сандалии, синие носки. Он выбрит, но щеки у него черны. Авель всегда кажется обросшим. Даже можно подумать, что у него не две, а только одна щека – черная. У Авеля орлиный нос и одна черная щека.

А в е л ь. – Что с вами происходит? Я ехал сегодня в данном поезде и видел казус: вы сидели на корточках в полосе отчуждения и руками разгребали землю. В чем дело?

Я (молчу).

А в е л ь (гуляет по комнате). – Человек сидит на корточках и роется в земле. Что он делает? Неизвестно. Он проводит опыт? Или у него припадок? Неизвестно. Разве у вас бывают припадки ?

Я (после паузы). – Знаете, о чем я думал, Авель? Я думал о том, что мечтатели не должны производить детей. Зачем новому миру дети мечтателей? Пусть мечтатели производят для нового мира деревья.

А в е л ь. – Это не предусмотрено планом.

Страна внимания начинается у изголовья, на стуле, который, раздеваясь перед отходом ко сну, вы придвинули к своей кровати. Вы просыпаетесь ранним утром, дом еще спит, комната наполнена солнцем. Тишина. Не шевелитесь, чтобы не нарушить неподвижности освещения. На стуле лежат носки. Они коричневые. Но – в неподвижности и яркости освещения – вдруг замечаете вы в коричневой ткани отдельные, вьющиеся по воздуху разноцветные шерстинки пунцовую, голубую, оранжевую.

Воскресное утро. Я вновь иду по знакомому пути в гости к Наташе. Нужно написать «Путешествие по невидимой стране». Если угодно, вот глава из «Путешествия», которую следует озаглавить:

«Человек, поторопившийся бросить камень».

Росли под кирпичной стеной кусты. Я пошел вдоль кустов по тропинке. Я увидел в стене нишу и захотел бросить в нишу камешек. Я нагнулся, камень лежал у ног... Тут я увидел муравейник.

Лет двадцать тому назад я видел муравейник в последний раз. О, конечно, не раз в течение двадцати этих лет случилось мне шагать по муравейникам, мало ли раз? И, наверное, я видел их, но, увидев, не думал: «Иду по муравейникам», а просто в сознании выделялось лишь слово «муравейник» – и все. Живой образ мгновенно выталкивался услужливо подвернувшимся термином.

О, я вспомнил: муравейники обнаруживаются взглядами внезапно. Один... О! Потом – другой! Потом – смотрите! смотрите! еще один! Так произошло и теперь. Один за другим появились три муравейника.

С высоты моего роста муравьев я не мог видеть; зрение улавливало лишь некое беспокойство форм, которые с успехом можно было счесть неподвижными. И зрение охотно поддавалось обману: я смотрел и согласен был думать, что это не муравьи во множестве снуют вокруг муравейников, а сами муравейники осыпаются, как дюны,

С камнем в руке стоял я шагах в четырех от стены. Камень должен был остановиться в нише. Я размахнулся. Камень улетел и ударился в кирпич. Взвилась струйка пыли. Я не понял. Камень

упал к подножию стены, в кусты. Тогда лишь услышал я возглас камня, раздавшийся в ладони моей еще до того, как ладонь разжалась.

– Подожди! – крикнул камень. – Посмотри на меня! И действительно, я вспомнил. Нужно было подвергнуть камень осмотру. Ведь без сомнения же, он представлял собой замечательную вещь. И вот он в кустах, в зарослях – исчез! И я, державший в руке вещь, не знаю даже, какого она была цвета. А камень, возможно, был лиловат; возможно, не монолитен, а состоял из нескольких тел: какая-нибудь окаменелость, возможно, была заключена в нем – останки жука или вишневая косточка; возможно, был камень порист, и, наконец, – может, вовсе не камень поднял я с земли, а позеленевшую кость!

Я встретил по дороге экскурсию.

Двадцать человек шли по пустырю, в котором покоилась косточка. Их вел Авель. Я отошел в сторонку. Авель не увидел меня, верней, не понял: он увидел меня, но не воспринял; как всякий фанатик, он поглотил меня, не дожидаясь согласия или сопротивления. Авель отделился от паствы, повернулся к ней лицом (ко мне спиной) и воскликнув, мощно размахнув рукой:

– Вот здесь! Вот здесь! Вот здесь!

Пауза. Молчание.

– Товарищи из Курска! – кричит Авель – Я надеюсь, что у вас есть воображение. Воображайте, не бойтесь!!!

О! Авель пытается вторгнуться в страну воображения. Уж не хочет ли он показать экскурсантам вишневое дерево, цветущее в честь неразделенной любви?

Авель ищет путей в невидимую страну...

Он шагает. Он остановился, взмахнув ногой. Он взмахнул еще раз. И еще. Он хочет освободиться от какого-то мелкокудрявого растения, которое, пока он шагал, обвилось вокруг его ступни.

Он топнул ногой, оно хрустнуло, покатались желтые шарики. (Сколько растений в этом рассказе, деревьев, кустов!)

– Вот здесь будет возвышаться гигант, о котором я говорил вам.

...Дорогая Наташа, я упустил из виду главное: план. Существует План. Я действовал, не спросившись Плана. Через пять лет на том месте, где нынче пустота, канава, бесполезные стены, –

будет воздвигнут бетонный гигант. Сестра моя Воображение – опрометчивая особа, Весной начнут класть фундамент – и куда денется глупая моя косточка! Да, там, в невидимой стране зацветет некогда дерево, посвященное вам. Экскурсанты придут к бетонному гиганту. Они не увидят вашего дерева. Неужели нельзя сделать невидимую страну – видимой? ..

Письмо это – воображаемое. Я не писал его. Я мог бы написать его, если бы Авель не сказал того, что он сказал.

– Корпус этот будет расположен полукругом, – сказал Авель. – Вся внутренность полукруга будет заполнена садом. У вас есть воображение ?

– Есть, – сказал я. – Я вижу, Авель. Я вижу ясно. Здесь будет сад, И на том месте, где стоите вы, будет расти вишневое дерево.

Об авторе: ЮРИЙ ОЛЕША

(1899-1960)

Родился в Елисаветграде (ныне Кировоград) в обедневшей дворянской семье. Юношеские годы Олеси прошли в Одессе, там началась и его литературная деятельность.

С 1922 жил в Москве, работал в железнодорожной газете «Гудок», где почти каждый день появлялись его стихотворные фельетоны, выходившие под псевдонимом «Зубило».

В 1927 был опубликован его роман «Зависть», в 1928 вышла в свет яркая и увлекательная повесть-сказка – «Три толстяка», написанная 4-мя годами ранее.

В 1931 вышел сборник «Вишневая косточка», объединивший рассказы разных лет. В том же году на сцене Театра им. Вс. Мейерхольда состоялась премьера пьесы «Список благодеяний». Киноповесть «Строгий юноша» была опубликована в 1934, после чего имя Олеси встречалось в печати только под статьями, рецензиями, заметками, очерковыми зарисовками, иногда – рассказами.

По сценариям Олеси были поставлены фильмы «Болотные солдаты» и

«Ошибка инженера Кочина»; для театра им. Евг.Вахтангова Олеша инсценировал роман «Идиот». Главным делом в последний период жизни считал работу, которую вел изо дня в день, придумав условное название «Ни дня без строчки», предполагая позднее написать роман. Смерть от инфаркта оборвала работу.

Эммануил Казакевич писал: «Олеша – один из тех писателей, которые не написали ни единого слова фальши. У него оказалось достаточно силы характера, чтобы не писать то, чего он не хотел». Neкаýalar